

6. URL : <http://www.murmanspas.ru/index.php?p=prayers&church=1>.
7. URL : <http://www.gov-murman.ru/society/>.
8. URL : <http://www.gipp.ru/opennews.php?id=17825>.
9. URL : <http://www.gov-murman.ru/natpers/info/education/#51>.
10. URL : <http://www.newstube.ru/media/caamskoe-radio>.

Language situation in the Murmansk region: urgent problems

There are suggested the most urgent problems of the language situation in the Murmansk region, communicative resources of the languages functioning in the region, basic language needs and the needs of the region people in the field of the language education.

Key words: *language situation, language needs, communicative resource of the language, language functioning.*

О.И. ЗВОРЫГИНА
(Сургут)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНРА (1750 – 1820-е гг.)

Объектом изучения выступают особенности лексики русской литературной сказки начального периода развития жанра. Лексические единицы рассматриваются с точки зрения происхождения, сферы употребления, их стилистических свойств. Лексическая организация сказок анализируется с учетом ее жанровых разновидностей: стихотворной сказки-новеллы и прозаических произведений жанра – литературных обработок и пересказов фольклорной сказки.

Ключевые слова: *развитие языка, лексика, литературная сказка, жанр, стиль.*

Изучение языкового материала художественных произведений в историческом аспекте является актуальным направлением филологических исследований. Лексический компонент языка литературной сказки, зародившейся во второй половине XVIII в., заслужи-

вает специального изучения, поскольку содержит ценные лингвистические факты, которые дают возможность для наблюдений и объективных выводов относительно особенностей развития языка, его стилей предыдущих эпох. Словарные богатства русского языка любого периода его многовековой жизни представляют большой интерес. Во все времена актуально высказывание академика И.И. Срезневского: «Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа» [7, с. 30]. Особенность работы с лексическим материалом заключается в том, что требуется выход за его рамки, обращение к явлениям и процессам, которые были свойственны культуре определенной эпохи.

Наблюдения над лексикой литературных сказок второй половины XVIII – начала XIX в. (периода формирования жанра) диктуют необходимость рассмотрения ее свойств с учетом жанровых разновидностей: стихотворной сказки-новеллы и литературных обработок, пересказов народной сказки-основы. Художественный язык сказки в стихах, созданной высокообразованными поэтами дворянского круга, отражая естественные процессы, происходившие в языке того времени, имеет ряд специфических свойств, наиболее ярко проявившихся в лексике как самой подвижной подсистеме языка. Поэты-сказочники указанного периода преодолевали стилистическую скованность, присущую классицизму. То, что является приметой низкого стиля (непринужденное просторечие, перемежающееся диалектизмами, фразеологизмами разговорного характера и поговорками), свободно сочетается с высокой, поэтической лексикой, в текст включается множество канцеляризмов, исконно русские лексемы сосуществуют с заимствованными словами.

Простота, приземленность в изложении сюжета сказок А.Е. Измайловым, О.М. Сомовым, своеобразие «забавного русского слога» А.О. Аблесимова, М.М. Хераскова, равно как сдержанность, благородство и изящество стиля А.П. Сумарокова, И.И. Дмитриева, предполагают использование разговорной и просторечной лексики. Разговорно-обиходная лексика чаще всего оказывается включенной в речь автора. Одной из ее функций в жанре сказки являются характеристика, оценка:

*Как ястреб воробья, схватил свою он кружку,
Насытил пьяну душку,
Похмелье заморил... [10, с. 60].*

Большинство разговорных слов имеет отрицательную коннотацию, и используются они для того, чтобы передать негативную оценку персонажей, чьи характеристики или действия они отражают. Чаще всего разговорные лексемы с отрицательной коннотативной семантикой встречаются в стихотворных сказках с ярко выраженным социальным компонентом. Они, к примеру, участвуют в создании образа чиновника, лживого, жадного, несправедливого. Также такого рода лексика помогает созданию характера персонажа, простого обывателя – глупца или, наоборот, хитрого и изворотливого. В прозаических произведениях сборников «Сказки русские» П. Тимофеева, «Лекарство от задумчивости», «Старая погудка» (сюжеты, образы и стиль повествования в них максимально приближены к фольклору) употребительность разговорных лексем, несущих в составе своего лексического значения коннотативные семы отрицательного оценочного характера, также высока. Такие слова используются для характеристики отрицательных волшебных персонажей, препятствующих главному герою в достижении цели. В бытовых сказках и сказках о животных они включаются в группу слов, прорисовывающих характеры людей и животных, которые являют собой олицетворение различных пороков.

В контексте речи персонажей разговорная лексика обычно демонстрирует особенности их взаимоотношений, например, лесть (*Ах, мой жизнёночек! Как тешишь ты жену!* [3, с. 113]), неприятие (*Подумал молодец, что старый хрыч идет...* [9, с. 47]), близкие, неформальные отношения (*И с этой мыслью вдруг Всеведа ей предстала: / – Здорово, дитятко! – Ветране говорит...* [3, с. 131]) – в последнем примере наблюдается изменение норм сочетаемости: лексема «здорово» со сниженной стилистической окраской взаимодействует с обращением «дитятко», содержащим положительную оценку – прием языковой игры.

В XVIII – XIX вв. значение слова «просторечие» было несколько иным, чем в современной лингвистике. В это время нормы определялись не столько по соотносительности того или иного типа речи с его обладателем, принадлежащим к определенному классу, сословию, социальной группе, сколько по противопоставленности церковнославянских, книжных, собственно литературных, салонных, светских форм выражения просторечию и простонародному языку. «В стилях литературы просторе-

чию и простонародному языку были указаны узкие жанровые пределы», поскольку литература строго охранялась от вторжения «подлого», «низкого» языка, таким образом, «просторечие – не столько сословно-классовая, сколько стилистическая категория» [2, с. 413]. В этот период просторечие понималось как «народный язык», это «употребление слов в простых разговорах» (нельзя смешивать с понятием «простонародный язык» – свойственный черни, низкому, простому народу). Исследователи и почитатели просторечия, в том числе А.С. Пушкин, не расценивали его как нечто грубое, недостойное литературных текстов, а, напротив, находили в нем чистоту и красоту. Таким образом, просторечие было естественным речевым явлением, нашедшим свое выражение в русской прозе и поэзии XVIII – XIX вв., в том числе в сказках.

Зафиксированные в исследуемых текстах просторечия являются приметой литературно-художественного стиля второй половины XVIII – начала XIX в., обладают экспрессией, несут в себе оценочность, которая может не иметь индивидуального характера, а может, напротив, служить одним из средств создания языкового образа персонажа:

*Любя, супругу муж избаловал потачкой,
Хотя и не был трус;*

Однако им жена играет как собачкой... [1, с. 124].

В произведении А.О. Аблесимова в рамках небольшого контекста сосуществуют нейтральный вариант «бремя» и просторечный – «беремя»:

*С того часа игрок закаялся играть,
Свалил с себя такое бремя
И сделался писец,
Наружу выводил дурных дел многих время,
Описывая страсть к игре, и, наконец,
Припутал игроков тут целое беремя,
Показывая им себя за образец...* (Там же).

Не создает стиливого диссонанса (для текстов сказок указанного периода это является нормой) употребление в одном контексте разговорной, просторечной и «высокой», «поэтической» лексики. Основную часть «высокой» лексики составляют славянизмы:

*Бавкида, Филемон недвижны стоят,
Со изумленьем друг на друга мецут взгляд,
И оба с трепетом пред путниками пали –
По чудодействию легко они познали
Того, кто вздымлет бровь и зыблет свод небес! –*

О Боже! Филемон дрожащий глас вознес... [3, с. 107].

Основной функцией старославянизмов в сказке XVIII в. является создание колорита прошедших эпох. Так, в прологе сказки И.И. Дмитриева «Причудница» говорится о том, что события происходят «в древни времена <...> не знаю подлинно, при коем Государе». Москву автор называет «царствующий град». «Поэтическая» лексика в стихотворных сказках данного периода составляет незначительную по количеству группу слов, являясь при этом сильным стилистическим средством. Так, она обнаруживает себя как выразительный компонент стиля сказки Н.М. Карамзина «Илья Муромец», написанной высоким слогом:

*Но не можно в сказке выразить
и не можно написать пером,
чем глаза героя нашего
улаждались на ее челе,
на устах ее малиновых...* [5, с. 150].

Народно-поэтическая лексика представлена в исследуемых произведениях в небольшом количестве. Преобладают традиционные поэтизмы. У стихотворной сказки XVIII – начала XIX в. нет тесной связи с народной основой. Она отражает литературные тенденции своего времени. Создание высокого слога осуществляется также особым сочетанием слов, часто метафорическим, рождающим красивый или торжественный, или драматический образ, способный вызвать эмоциональные ощущения у читателя: *...И те, которые к ним с верой приходили, / В цвету и в зиму дней друг друга век любили* [3, с. 110].

Стилевой колорит сказки разнообразит также приказная, или канцелярская, лексика. Она составляет небольшую группу слов, функционирует же по причине того, что сказочники охотно пишут о судьбе, стряпчем, подьячем, вообще о чиновниках того или иного ранга, например: *Суперники ее подьячих подкупили, / И бедную вдову в остроге уморили* [11, с. 64]. Встречается в сказке и заимствованная лексика из старославянского, латинского, европейских языков. О функциях старославянизмов говорилось выше. В целом же наличие иноязычных слов в текстах отражает живой язык образованной части общества и придает сказкам светский характер (их речевые параметры значительно отличаются от речевых характеристик литературных сказок, стилизованных под фольклор): *Безбожник! – закричал, – изменник! франкмасон!..* [4, с. 451]; *В полицию ее на завтра отвели* [11, с. 64].

Отличительной чертой русского литературного языка XVIII в. (в особенности языка поэтического) являются мифологизмы как один из основных стилистических атрибутов классицизма. Стихотворная сказка XVIII в. наполнена античными мифологизмами. Большую их часть составляет лексико-семантическая группа наименований богов и божеств греко-римского пантеона. Наиболее популярны, безусловно, верховные боги: *У предков был и сам Юпитер из коры...* [3, с. 106]; *Он ясно на челе страдальцев сих читает, / Что даром не дает Фортуна ничего* (Там же, с. 7).

Самый популярный мифический персонаж сборников сказок XVIII в., являющихся литературными обработками фольклорных сюжетов, – это Баба Яга: *В то самое время приехала Баба-Яга на железной ступе, пестом погоняет, а языком след замечает...* [8, с. 240]; *Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом, и вошел он в ту избушку, и увидел в ней Егу-Бабу, которая сидела на полу, уперши ноги в потолок, и прядла шерсть* [6, с. 82]. Имена мифологических персонажей используются как в мифологических, так и в немифологических сюжетах, где они легко приобретают новое отвлеченно-метафорическое значение благодаря своим коннотативным свойствам. Использование мифологического имени в необычной для него «сюжетной обстановке» позволяет вывести на первый план символ, заложенный в имени, который как бы перекрывает собой первичную назывную функцию. С течением времени мифологическое имя может переосмысливаться полностью.

Мифологизмы как античные, так и славянского происхождения, имевшие широкое употребление в текстах русской литературной сказки, представляют собой однородную по своим функционально-семантическим особенностям группу. Все слова этой группы отличаются интенсивным употреблением в разнообразных, но однотипных по своему характеру значениях, оборотах, словосочетаниях; большинство слов данной группы лексики имеют образно перифрастический и переносно-метафорический характер. Это в значительной степени обусловлено символикой, заложенной в мифологических именах, и основывается на использовании их богатейших ассоциативных возможностей.

Употребление в текстах сказок исследуемого периода тех или иных языковых еди-

ниц с точки зрения современного читателя часто является неоправданным. Однако изучение лингвостилистических особенностей сказки в эволюционном аспекте дает основание считать, что такая стилевая неустойчивость в период становления жанра дала свои положительные результаты: формирующие ее языковые элементы составили языковую и стилевую базу жанра, которая в более поздние периоды приобрела более явные, устойчивые черты, обусловленные как жанровыми категориями в целом, так и особенностями жанровых инвариантов. Эта лингвостилистическая база дала возможность для дальнейшего развития языка сказки в разных направлениях. Языковые различия будут наблюдаться в произведениях, созданных в рамках разных литературных методов, жанровых инвариантов, в текстах с разной выраженностью фольклорного начала.

Литература

1. Аблесимов А.О. Игрок, сделавшийся писцом // Стихотворная сказка (новелла) XVIII – начала XIX века / сост. А.Н. Соколов. Л., 1969. С. 124 – 129.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков : учебник. М. : Высш. шк., 1982.
3. Дмитриев И.И. Сочинения Дмитриева. 3-е изд. М., 1810.
4. Измайлов А.Е. Шут в парике // Стихотворная сказка (новелла) XVIII – начала XIX века / сост. А.Н. Соколов. Л., 1969. С. 450 – 451.
5. Карамзин Н.М. Илья Муромец // Полное собрание стихотворений / Н.М. Карамзин. М. – Л., 1966. С. 149 – 161.
6. Сказка о храбром и смелом кавалере Иванцаревиче и о прекрасной супругнице его Царьдевице // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI – XVIII века) / сост. Н.В. Новиков. Л., 1971. С. 80 – 89.
7. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб. : Типография воен.-учеб. заведения, 1850.
8. Сказка о Ивашке-медвежьем ушке // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI – XVIII века) / сост. Н.В. Новиков. Л., 1971. С. 238 – 241.
9. Сумароков А.П. Жил некакий мужик гораздо неубогого... // Стихотворная сказка (новелла) XVIII – начала XIX века / сост. А.Н. Соколов. Л., 1969. С. 46 – 47.
10. Херасков М.М. Притча // Там же. С. 65 – 67.

11. Херасков М.М. С ума сошедший подьячий // Там же. С. 64 – 65.

Lexical organization of the Russian literature tale in the period of the genre formation (1750 – 1820 ss)

The object of the research is the vocabulary peculiarity of the Russian literature tale in the first period of the genre development. Lexical units are considered from the point of view of the origin, sphere of use, their stylistic properties. The lexical organization of tales is analysed with its genre varieties: poetic tale-novella and prosaic works of the genre – literature versions and folk tale rendering.

Key words: language development, vocabulary, literature tale, genre, style.

А.И. ВАСИЛЬЕВ
(Елец)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ТИПА СОЧЕТАНИЙ СЛОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Описан особый тип фразеологических единиц древнерусского языка, в которых отсутствует подчинительная связь между компонентами устойчивого словосочетания. ФЕ типа сочетаний слов древнерусского языка образуются по разным фразеологическим моделям и представляют собой разные в структурном отношении сочетания слов.

Ключевые слова: древнерусский язык, фразеологическая единица, фразеологическая модель, структурное образование.

Среди фразеологических единиц (ФЕ) как современного русского, так и древнерусского языка имеется группа устойчивых словосочетаний, характерным признаком которых является отсутствие подчинительной связи. Их обычно называют ФЕ типа сочетаний слов. Фразеологизмы древнерусского языка с полным отсутствием подчинительной связи между компонентами фразеологизма еще не вовлекались в научный оборот. Данная статья